

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

МЭРИ УЭСТМАКОТТ

более известная как

АГАТА КРИСТИ

**ХЛЕБ
ВЕЛИКАНОВ**

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
У99

Mary Westmacott
GIANT'S BREAD

© 1930 The Rosalind Hicks Charitable Trust. All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE and the Agatha Christie Signature are registered trade marks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

Иллюстрация на обложке *Филиппа Барбышева*

Уэстмакотт, Мэри.

У99 Хлеб великанов / Мэри Уэстмакотт ; [перевод с английского В. В. Тирдатов]. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-122683-1

Вернон Дейр – подающий большие надежды композитор. Когда перед ним стоит непростой жизненный выбор, Вернон всегда приносит страдания близким людям, оправдываясь тем, что великий дар требует великих жертв. Трагедия, случившаяся на исходе Первой мировой войны, заставляет его начать жизнь заново. Но изменился ли он, потеряв прошлое?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-122683-1

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Памяти моего самого лучшего
и верного друга — моей матери...*

Пролог

На торжественном открытии нового Национального оперного театра присутствовали члены королевской семьи, пресса и весь высший свет. Даже музыканты всеми правдами и неправдами умудрились туда попасть — хотя и сидели в основном на галерке.

Исполнялся «Гигант» — новое произведение доселе никому не известного композитора Бориса Гроэна. В антракте сквозь ровный гул голосов доносились обрывки разговоров обменивавшихся впечатлениями слушателей:

— Просто божественно, дорогая...

— Говорят, это истинный модерн! Какофония, конечно, жуткая, но так задумано... Чтобы понять это, нужно читать Эйнштейна...

— Да, я буду всем рассказывать, какое это чудо. Хотя, говоря между нами, от него болит голова...

— Почему на открытии британского оперного театра нельзя исполнить сочинение какого-нибудь достойного британского композитора? Опять эта русская дребедень! — возмущался сердитый полковник.

— Совершенно верно, — согласился его компаньон. — Только дело в том, что британских композиторов не существует. Печально, но факт.

— Не болтайте чепуху, сэр! Им просто не дают ни малейшего шанса. Кто, по-вашему, этот Левин? Всего лишь грязный еврей-иностранец!

Человек, стоявший неподалеку и наполовину скрытый портьерой, позволил себе улыбнуться, ибо он и был Себастьяном Левином — обычно именуемым величайшим шоуменом мира и единственным владельцем Национального оперного театра.

Это был высокий полноватый мужчина с желтым бесстрастным лицом, черными глазками-бусинками и огромными оттопыренными ушами, служившими мишенью для карикатуристов.

Вокруг него продолжали звучать характеристики услышанного в первом отделении.

— Декадентство... патология... нервозность... совсем по-детски...

Это говорили критики.

— Просто опустошает... слишком божественно... чудесно, дорогая...

Это высказывались женщины.

— Всего лишь разрекламированное ревю... Правда, во второй части есть любопытные механические эффекты... Первая часть, «Камень», — что-то вроде вступления... Говорят, старина Левин напруг все силы, чтобы организовать исполнение... В жизни не слышал ничего подобного... Музыка довольно странная, не так ли... Очевидно, большевистские идеи — кажется, у них это называется шумовым оркестром...

Это говорили молодые мужчины, более понятливые, чем женщины, и менее предубежденные, чем критики.

— Эта вещь не будет иметь успеха — сплошное трюкачество... Кто знает — теперь модны разные кубистские штучки... Левину не откажешь в проницательности — иногда он кидает деньги на ветер, но всегда возвращает их... Интересно, во сколько это обошлось?..

Слушая своих соплеменников, Себастьян Левин молча улыбался.

Прозвучал звонок, и публика начала медленно возвращаться на свои места.

Ожидание, как обычно, было наполнено болтовней и смехом. Наконец свет начал медленно гаснуть. Дирижер поднялся на подиум. Оркестр был раз в шесть больше любого состава «Ковент-Гардена» — помимо обычных инструментов, в нем уверенно расположились странные изделия из сверкающего металла, похожие на каких-то монстров, а в углу поблескивало непонятное сооружение из хрустала. Дирижер взмахнул палочкой — и раздался тихий ритмичный стук, напоминающий примеривающиеся удары молота по наковальне. Иногда возникала пауза, но пропущенный удар быстро занимал свое место, словно расталкивая остальных.

Занавес поднялся...

Себастьян Левин наблюдал за происходящим, стоя позади ложи второго яруса.

Это не было оперой в обычном смысле слова. Сюжет и персонажи отсутствовали. Зрелище скорее по-

ходило на русский балет исполинских масштабов. Причудливые световые эффекты являлись изобретением самого Левина — его ревью уже давно считались последним словом в области зрелищности. Более артист, чем продюсер, он вложил в этот спектакль весь свой опыт и все воображение.

Пролог «Камень» изображал детство человечества.

Теперь же сцена представляла собой триумф машинерии — фантастический, почти ужасающий. Электростанции, динамомшины, заводские трубы, краны смешивались друг с другом. И люди — целые армии людей с кубистическими лицами роботов — дефилировали перед зрителями.

Музыка словно разрасталась и клубилась — причудливые металлические инструменты издавали странные звуки, которые перекрывал мелодичный звон, похожий на звон бесчисленных стекол...

В эпизоде с небоскребами Нью-Йорк был показан вверх ногами — словно из самолета, кувыркающегося в предрассветной дымке. Ритмичные удары продолжались с угрожающей монотонностью. В кульминации появлялось нечто вроде огромного стального обелиска — тысячи людей с металлическими лицами сливались воедино в гигантского коллективного человека...

Эпилог последовал без антракта. В зале не зажигали свет.

Теперь звучала лишь одна оркестровая группа, которую на современном жаргоне именовали «стеклом».

Чистые, звенящие звуки...

Занавес растворился в тумане, который внезапно рассеялся, и яркий свет заставил зрителей зажмуриться.

Лед — ничего, кроме сверкающих айсбергов и глетчеров...

А на вершине огромной ледяной пирамиды маленькая фигурка, стоящая спиной к публике и лицом к слепящему сиянию, изображающему восход солнца...

Человеческая фигурка, тщедушная и беззащитно-нелепая...

Свет усилился, не уступая по яркости магнитным вспышкам. Руки инстинктивно прикрывали глаза.

Внезапно стеклянный звон буквально разбился — разлетелся на звенящие осколки.

Занавес опустился, и зажегся свет.

Себастьян Левин с бесстрастным лицом принимал поздравления.

— На этот раз вы выложились полностью, Левин. Никаких полумер, а?

— Потрясающее зрелище, старина. Хотя будь я проклят, если знаю, что все это означает.

— «Гигант»? Ну что ж, мы живем в век машин.

— О, мистер Левин, это слишком жутко, чтобы описать словами! Мне будет сниться этот ужасный стальной великан!

— Механизацию символизирует гигант, пожирающий людей? Недалеко от истины, Левин. Мы хотим вернуться назад, к природе. А кто такой Гроэн? Русский?

— Кто бы он ни был, это гений. Большевики могут похвастаться по крайней мере одним композитором.

— Скверно, Левин, что вы увлеклись большевизмом. Коллективный человек, коллективная музыка...

— Желаю удачи, Левин. Не могу сказать, что мне нравится кошачий концерт, который в наши дни называют музыкой, но зрелище первоклассное.

Одним из последних подошел маленький сутулый старичок с одним плечом выше другого.

— Не хотите угостить меня выпивкой, Себастьян? — осведомился он.

Левин кивнул. Старичок был Карл Бауэрмен — самый известный из английских музыкальных критиков. Они вдвоем направились в кабинет Левина и сели в кресла. Левин налил гостю виски с содовой и вопросительно на него посмотрел. Ему не терпелось услышать мнение знатока.

— Ну?

Некоторое время Бауэрмен хранил молчание.

— Я старый человек, — заговорил он наконец. — Некоторые вещи доставляют мне удовольствие, а некоторые — например, современная музыка — нет. Но я умею распознать гения, когда встречаю его. Существуют сотни шарлатанов, которые полагают, будто, нарушая традиции, творят чудеса. Однако сто первым может оказаться истинный творец, смело шагающий в будущее... — Старик сделал паузу. — Да, я могу распознать гения, даже если то, что он делает, мне не нравится. Кто бы ни был этот Гроэн, он настоящий гений, это музыка завтрашнего дня...

Бауэрмен снова умолк. Левин терпеливо ожидал продолжения.

— Не знаю, ожидает ваше предприятие успех или провал. Думаю, успех, но в основном благодаря вашим личным качествам. Вы владеете даром заставлять публику принимать то, что вы ей предлагаете. Полагаю, таинственная атмосфера вокруг Гроэна — часть вашей хитроумной рекламной кампании? — Он внимательно посмотрел на Себастьяна. — Не хочу вмешиваться в ваши планы, скажите — для меня — только одно: Гроэн англичанин, не так ли?

— Да. Откуда вы знаете, Бауэрмен?

— Национальный колорит музыки абсолютно ясен. Конечно, он последователь русской революционной школы, но... как я сказал, национальность безошибочна. До него были пионеры — те, которые пытались достичь того, что удалось ему. У нас есть наша английская школа — Холст, Воан-Уильямс, Арнолд Бакс¹. Композиторы всего мира стремились к новому идеалу — абсолюту в музыке. Этот человек — прямой последователь парня, который погиб на войне. Как же его звали... Дейр — Вернон Дейр. У него был истинный талант. — Он вздохнул. — Интересно знать, Левин, скольких талантов мы лишились из-за этой войны?

— Трудно сказать, сэр.

— Об этом лучше не думать. — Старик поднялся. — Не буду вас задерживать — я знаю, что у вас

¹ Воан-Уильямс Ралф (1872–1958), Холст Густав (1874–1934), Бакс Арнолд (1883–1935) — английские композиторы. (Здесь и далее примеч. перев.)

много дел. — На его лице мелькнула улыбка. — «Гигант»! Полагаю, это маленькая шутка — ваша и Гроэна. Все считают, что Гигант — Молох механизации, и не понимают, что подлинный гигант — маленький человечек. Индивидуалист, прошедший через каменный и железный век, и, хотя цивилизации рушатся и гибнут, пробивающийся через еще один — ледяной век, создающий новую цивилизацию, о которой мы даже не мечтаем... — Улыбка стала шире. — С возрастом я все сильнее убеждаюсь, что нет ничего более жалкого и нелепого и в то же время более чудесного и удивительного, чем человек... — Бауэрмен задержался у двери, взявшись за ручку. — Любопытно, что ведет к созданию таких существ, как этот Гигант? Что производит его на свет? Что его питает? Наследственность формирует Гиганта, окружение полирует его, секс ослабляет... Но это не все. Есть еще его пища.

Ду-ду-ду, ду-ду-ду,
Человечий чую дух.
Кости истолку в муку.
Хлеб себе я испеку¹.

Жестокий, но гениальный Гигант, Левин! Монстр, питающийся плотью и кровью. Я ничего не знаю о Гроэне, но готов поклясться, что он вскормил своего Гиганта собственной, а может быть, и чужой плотью и кровью... Их кости стали хлебом Гиганта... Я ста-

¹ Стишок из английской сказки «Джек — истребитель великанов».

рик, Левин, и у меня свои причуды. Сегодня вечером мы видели конец — я бы хотел знать начало.

— Наследственность, окружение, секс... — медленно произнес Левин.

— Совершенно верно. Так я могу надеяться, что вы мне расскажете?

— По-вашему, я знаю?

— Уверен, что знаете.

Последовало молчание.

— Да, — сказал наконец Левин, — я знаю. Если бы я мог, то рассказал бы вам всю историю, но... есть причины, по которым я не могу этого сделать.

— Жаль. Было бы интересно послушать.

— Как знать...